

СИСТЕМОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Зырянова Т. В.

Культурология – обширная область, и определение ее предмета обычно исходит из логики той или иной научной парадигмы.

Мы считаем, что применение методов и закономерностей системогенетики в сфере культурологии успешно разрешит основные культурологические проблемы и упорядочит в ней понятийное множество, во многом сегодня аморфное. Построенная на этой платформе и опирающаяся на методологию Н.Н. Александрова, публикуемую в данном блоге, наша статья отвечает на ряд основных вопросов культурологии.

В чем причина актуализации культурологического подхода? Главная причина – в кризисе науки как формы познания. С наукой сегодня активно конкурируют и более ранние формы познавательной активности человека, и постнаучные. Культурология в этом смысле производит рефлексию всех возможностей.

Если выражение “кризис науки” звучит немотивированно широко, можно использовать точечный, избирательный, подход – обнаружится, что речь идет о кризисе гуманитарного комплекса наук, гуманитарной парадигмы в целом.

Раскроем, в чем проявляется кризисность.

В современном мире наблюдается непрерывный рост объема информации, построенной исключительно на основе рациональных моделей. Такой перекокс вносит изменения не только в механизмы и структуры общества, но и сказывается на человеке: приводит к утрате его цельности и окончательно разрывает некогда существовавший синкретизм культуры. Технократическая цивилизация уже вплотную столкнулась с ограниченностью “левополушарного”, прагматического и рационалистического, типа культуры. Сегодня она вынуждена искусственно решать проблему восстановления целостности личности в силу практической необходимости.

Особое значение культурология приобрела в период изменения мировоззренческой парадигмы. Для смены парадигмы всегда нужна новая методология, адекватная данной ситуации и соответствующая целям данного времени. И такую методологию культурология в нашем варианте содержит.

Рассмотрим данный предмет послойно, в направлении от общего к конкретному. По философской установке наш метод является антропологическим. Это означает, что мир в нем рассмотрен с позиции человека. Однако остальные способы представления мира не игнорируются, а координируются в этом, центральном. По общенаучному подходу метод, примененный в статье, ориентирован на системное и генетическое представление всех включенных в обозначенную область подходов и дисциплин. В совокупности речь идет о новом интегративном научном комплексе – об экзистенциальной системогенетике [3]. На верхнем уровне комплекс включает все четыре основные философские позиции, на среднем – системное и генетическое их отображение. В педагогическом поле он позволяет совмещать трансляцию знания и формирование понимания, обеспечивая погружение в понятийный аппарат культурологии и развитие у обучающихся навыков культурной рефлексии.

О терминологии

Практически во всех учебниках по культурологии большое внимание уделяется формированию значения слова "культура" в истории. Укажем на основные грани этого понятия, создавшие веерный эффект значения.

Появлению слова "культура" в различных европейских языках непосредственно предшествовало латинское "culture", происходившее от "colere".

Слово "colere" имело множество значений: населять, культивировать, покровительствовать, поклоняться, почитать и т.д. Некоторые из них со временем превратились в термины. Так, значение "населять" через латинское

colonus трансформировалось в колонию, а "почитать", "поклоняться" – через латинское cultus – в культ.

Во всех случаях раннего употребления слово culture означало процесс культивирования, выращивания чего-нибудь, обычно животных и растений. Это привело к появлению дополнительных значений слова, таких, как английское coulter – лемех, происходящее от латинского culter, обозначающего то же орудие. Дальнейшая эволюция связана, очевидно, с перенесением представлений о культивировании, возделывании с естественных процессов на человеческое развитие, причем агрикультурный, сельскохозяйственный, смысл долгое время сохранялся. Так, Френсис Бэкон говорил о "культуре и удобрении умов".

Два момента нужно отметить особо. Во-первых, метафора становилась все более привычной, пока такие термины, как культура ума, не начали восприниматься прямо и непосредственно, а не в переносном смысле; во-вторых, слово "культура", относящееся к частным процессам, все чаще использовалось при характеристике процессов развития и совершенствования вообще, что означало универсализацию термина. Именно с этого на рубеже XVII– XIX веков началась многообразная и запутанная современная история слова "культура".

В теории культуры мы имеем дело с феноменом, который А. Моль в свое время зафиксировал как понятие о "расплывчатых явлениях" [9, 36]. Определение культуры принадлежит к разряду "незамкнутых", открытых для поправок и дополнений и тем отличается от строгих ("замкнутых", пределом для которых выступают математические). Незамкнутость рассчитана на возможность накопления новых граней значения, которые привносятся в определение культуры историей. Более того: любое историческое определение раскрывает нам портрет времени, по ним мы безошибочно можем узнать эпоху.

Поэтому вопрос: нужно ли стремиться получить завершённое определение культуры? – для нас принципиально важен.

Наш ответ: всякая новая историческая целостность имеет только свое представление о культуре. Это не означает ни абсолютной “герметичности культур”, ни наличия единой линии “прогресса мировой культуры” – это означает, что и то, и другое верно, но принадлежит разным уровням одного и того же явления.

Уровни методологии

Мы оперируем триадой, поэтому в нашем подходе заложены три действующих уровня методологии, связанные с тройкой: “общее – особенное – единичное”:

Речь пойдет об уровне методологии, максимально приближенном к философии. Выстраивать ее специально нет особой необходимости: проблематика культуры во многом пересекается с совокупностью проблем социальной философии и философии культуры, а в этих областях в последнее время наблюдается заметное оживление. Но, поскольку мы разводим культуру и социальность (в ее цивилизационном оформлении), нужно подчеркнуть, что существуют: самостоятельный пласт философских проблем культуры и особая философия истории культуры, акцентирующая ее специфику в истории.

Подобное разделение призвано тематически развести то, что сегодня нередко “склеивают”: в работах по социальной философии речь идет именно о философии культуры, а философия истории вообще не дифференцирована: две обозначенные темы в ней неразличимо переплетены, – хотя предметы культуры и человеческого социума развести несложно. А вот методология исследования этих двух предметов во многом (но не во всем) является общей, особенно – на философском уровне.

Уровень философской методологии

Мы используем здесь как широкую, так и более специальную трактовку понятия “метод” – вот почему, обозначая теоретические и методологические

основания, мы начнем с системы принципов, а затем перейдем к более детальному обозначению исследовательского метода как особого алгоритма.

Система принципов

Основные методологические принципы выступают как инструментарий, обеспечивающий полноту и всесторонность. Основываться мы будем на принципах, выработанных в классической кантовско-гегелевской философской методологии. Назовем их:

- 1) принцип единства исторического и логического;
- 2) принцип движения от абстрактного к конкретному;
- 3) принцип единства диалектики, логики и теории познания.

Принцип единства диалектики, логики и теории познания является основой всех наших исследовательских приемов и индикаторов, построенных на платформе диалектического противоречия и его самодвижения во времени.

Принцип единства исторического и логического позволяет протянуть вполне ощутимые связующие нити к основным интегративным общенаучным комплексам современности. Данный принцип, повернутый в других ракурсах, демонстрирует единство сущности и существования (Фома Аквинский), статики и динамики (О. Конт, Г. Спенсер), онтологического и экзистенциального (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр).

Ядро специальной методологии включает два основных интеграционных комплекса в науке в целом: это – статически-целостный и генетически-целостный подходы. Первый подход развивает известные проблемы целого и части (структуры и состава, устройства и морфологии), а второй – проблемы динамики целого и частей (развитие, процессуирование, генезис, эволюция и их механизмы). Попытки интеграции обоих подходов неоднократно предпринимались в XX веке – стоит вспомнить хотя бы квантово-волновую теорию в физике. В философии это происходило в экзистенциализме, в функционализме, в синергетике, раскрывающей принцип самоорганизации систем, а в последней трети XX века – в теориях, сводивших воедино

системный подход и генетическую методологию, что получило свое философское освещение совсем недавно [2].

Во всех этих подходах можно наблюдать ориентацию на выявление предельно глубоких статических и динамических “инвариантов”, единых для разных форм организации материи. В философском плане это выражается как поиск вневременных (статика) и всевременных (динамика) закономерностей, присущих как бытию, так и мышлению, что всегда и было главной задачей философии, в том числе и по отношению к науке.

Представленные принципы далее дают возможность опираться на любую статико-динамическую общенаучную методологию. Но здесь должно соблюдаться ключевое методологическое требование: все, что претендует на истинность в статике, должно подтверждаться генетически (пройти историческую проверку, подтвердиться в динамике, в циклах жизни интересующего нас предмета). Это и есть наиболее методологически ценное проявление принципа единства статики и динамики.

По отношению к истории культуры обозначенный набор философских принципов должен постепенно облечься в конкретику, тем самым обеспечивая нам выход на свой исследовательский сценарий. Так мы реализуем следующий всеобщий принцип – принцип восхождения от абстрактного к конкретному, позволяющий перейти от наиболее общих методологических установок к уровню особенного, а затем – единичного. Этот философский принцип может быть представлен и как “инвариант иерархии” [3], присутствующий в любых проявлениях знания, а также в менталитете.

Принципы достигают наполненности, когда дополняются философскими понятиями. Это значительно расширяет нашу методологическую базу.

Инварианты философии и культурология

В методологии философии можно найти устойчивые универсалии, накрывающие и современную синергетику, и системный, и функциональный, и генетический, и многие другие, некогда популярные в науке, подходы. Это

говорит в пользу философии, которая, при всех изменениях моды в науке, остается “царицей наук”.

Интересующие нас инварианты фигурируют, например, в гегелевском учении (понятия единого, противоречия, “общего – особенного – единичного”, единства количества и качества в мере). С помощью инвариантов можно проиллюстрировать полный набор в определениях понятия “культура”.

1. Культура как целое. Понимание “культурных монад” было свойственно Н.Я. Данилевскому, О. Шпенглеру, А. Тойнби и П.А. Сорокину. Причем во всех случаях наблюдалось статико-динамическое понимание монадности.

2. Культура в парном ракурсе. А. Моль в качестве главной пары, определяющей развитие культуры, использует порождающую пару “культура общества – культура личности”, а в сфере социодинамики культуры он сформировал набор парных индикаторов культурного цикла. Н.Н. Александров выдвинул идею двух суперпрограмм в культуре человечества [3].

3. Культура в тройном ракурсе.

3-а. Культура как трехуровневая иерархия. Например, соотношение “культура человечества – культура общества – культура личности”.

3-б. Культура и ее трехфазовость. У П.А. Сорокина четко выявлены три фазы в любой культуре: идеационная, идеальная и чувственная [10]. За ними просматривается тройка “Дух – Душа – Сома”, которая по смыслу соотносится с названными фазами.

4. Культура как мера, развернутая в четверку типов.

Четыре типа деятельности в основании культуры кладет М.С. Каган [7]. Таковы же аксиологические трактовки сути культуры, моделируемые четверкой ценностей.

Если модифицировать культуру общества и культуру личности парой “актуальное – потенциальное”, то образуются четыре составляющие: “отношения – институты” и “потребности – способности”. В совокупности с деятельностью возникает “пятерка социума”, или “сфера деятельности”.

Нередко цикл культуры понимают как четырехфазовый, по аналогии с природным [4].

* * *

Те же инварианты мы встречаем и в экзистенциальной системогенетике [3], но здесь они имеют системное и генетическое облачение и представлены в понятиях: цикл, противоречие, иерархия, мера.

Представленные закономерности следует воспринимать в связанном виде как в целом, так и любыми группами. Для нашей темы это три простейших двусторонних связки основных четырех инвариантов. Отсюда совокупность законов межнаучного характера, применимых к анализу культуры.

1. Цикл + противоречие. Закон движущего противоречия в цикле жизни целого:

- если делать акцент на целом, возникнет парный индикатор цикла;
- если идти от противоречия, возникнет “порождающее противоречие”.

2. Цикл + иерархия. Закон иерархической специализации состава подсистем целого и программирования сценария их жизни (трехфазовость). Здесь два разнонаправленных варианта:

- как “архитектура есть застывшая музыка”, так и “структура есть застывшее время”, поэтому эта связка внутренне иерархична;
- противоположная связка “иерархия + цикл” дает не что иное, как масштабную линейку: закон трех уровней цикличности, масштабно “вложенных” друг в друга по нисходящий (макроцикл – цикл целого, мезо-, – микроцикл).

3. Цикл + мера. Закон распределения, действующий в рамках цикла жизни целого (развертывание состава в процессе жизни целого). У него тоже две разнонаправленные разновидности (иногда их можно трактовать как связку конкуренции и кооперации):

- логика развертывания состава, выступающая итоговой причинностью для целого, – такова теория эволюции живого Дарвина, в которой генезис

задается наследственностью, изменчивостью и отбором, – здесь главенствует принцип конкуренции;

– целое избирает сценарий жизни своих частей – такова “теория номогенеза” Барга, где в конечном итоге эволюцией (генез) управляет закон (номос), – здесь главенствует принцип кооперации.

Законы эти взаимосвязаны [15], и взаимосвязь лежит в основе нашего метода построения культурологии. Возникают по-настоящему богатые смыслами связи, если переходить от только что представленных двойных связок к более сложным. По сути, основная проблема формирования объемного и многоаспектного понимания состоит в освоении и способах трактовки этих связок. Любая научная стратегия представляет из себя “дерево” методологических связок из этого набора, потому что в науке крайне редко рассматриваются все возможные варианты из представленных.

Для примера рассмотрим простые тройные связки.

В одном цикле жизни целого иерархия (общее – особенное – единичное) связана с законом нормального распределения, что в модели четверки типов означает: общее бедно (один тип), единичное тоже бедно (один тип), и лишь особенное – наиболее богато (два типа). Это – связка инвариантов “1 – 3 – 4”, и она требует дополнения парой. Важно знать, что пара всегда связывает нас с содержанием. В исследовании культуры мы оперируем парой “культура общества – культура личности”, мы строим на ее основе тезаурус культурологии. В новой связке обнаружится, что первая треть цикла демонстрирует доминирование культуры общества, она связана с “общим” и предельно лаконична по составу используемых элементов. Последняя треть цикла, наоборот, демонстрирует доминирование культуры личности, она связана с “единичным”, но также не богата по составу используемых элементов. Зато середина цикла, связанная с “особенным”, демонстрирует единство и равнозначность культуры общества и культуры личности, и эта середина по-настоящему богата по составу используемых элементов.

В качестве пары для анализа искусства актуально самое существенное индикационное соотношение: “содержание – форма”. В новой связке обнаружится, что первая треть цикла содержательно богата, но формально бедна, она связана с “общим” и лаконична по составу используемых элементов. Последняя треть цикла содержательно бедна, но формально богата, она связана с “единичным”, но также не богата по составу используемых элементов. Зато середина цикла, связанная с “особенным”, демонстрирует единство содержания и формы, и эта середина по-настоящему богата по составу используемых элементов.

Приведенные примеры убеждают в достаточности нашего методологического набора, убеждают в том, что он подходит для анализа культуры.

На этом общеметодологическую часть в пределах статьи можно завершить: рассмотренный набор принципов, приемов и стратегий вполне работоспособен. Можно добавить к сказанному, что данный инструментальный набор мы много лет используем и совершенствуем посредством рефлексии.

Предстоит выяснить, покрывает ли он с достаточной полнотой всю ту предметность и конкретику, которая выступает для нас в качестве живого исследовательского материала.

Подведем итог.

1. Общефилософская методология дала нам набор четырех ключевых инвариантов.
2. Сочетание этих инвариантов приводит к современному общенаучному набору системных и генетических законов.

Системная парадигма и группа системных понятий в учении о культуре

В общенаучном плане культура может быть понята как система. В основе исследования системных инвариантов культуры лежит понятие “система”, имеющее свое специальное определение в рамках общей системогенетики.

Системность, или системная онтология, в философском освещении выглядит как определенный “срез” познания и объяснения бытия мира и человека через ведущую категорию системы [с]. Зафиксируем те понятия и определения из данной сферы, которые имеют отношение к культурологии и культурогенетике и исходят из ее метода. В ряде случаев такие обобщения носят предельный общенаучный характер.

Культура как система

Мы выяснили в ходе методологического анализа, что можно получить совокупность усложняющихся определений на основе инвариантов числового ряда “2 – 4”. Теперь в этой логике речь пойдет об определениях системы культуры (культура как система).

Единица, или Монада. Категория системы культуры (культура как система) сопряжена прежде всего с категорией целостности. Системность культуры подразумевает ее целостность в том числе и в телеологическом смысле (“цель есть целое”). Такой подход задает принцип системности мира и любого его фрагмента как онтологический.

У истоков его стоял Аристотель, с принципом целостности, т.е. несводимости качества целого к качествам его частей. В данном преломлении он звучит как принцип системной целостности – и в общем определении системы культуры этот принцип задает качественный ракурс.

Если исходить из телеологического понимания культуры, цель которой и есть целое, то можно представить, что процесс жизни культуры есть развернутая программа реализации ее цели в истории.

Парное определение системы культуры. Определение любой системы предполагает наличие состава (компонентов) и структуры. Отсюда следует определение онтологическое: “система есть единство состава и структуры” или “система есть структурированный состав”. Иногда говорят о системном единстве элементов и их отношений.

По отношению к культуре это выражается следующим образом:

- как набор компонентов состава культуры (спектр элементов культуры);
- как структура культуры (совокупность отношений элементов культуры).

Парность в структуре и поведении систем. Структура культуры может быть рассмотрена с позиции ее свойств “изменчивости” и “устойчивости”. Следовательно, можно говорить о “структурной изменчивости” и “структурной устойчивости” культурных образований.

Механизм их совместной работы таков: система культуры “передает” в надсистему границы – это задает ее потенциал изменчивости (будущее, потенциал “преадаптации”); будущее материализуется в форме накопления потенциала преадаптации системы культуры к своей надсистеме в будущем; система культуры “передает” в свои подсистемы потенциал устойчивости, который есть ее прошлое (“время застывает в структуре” – меткое наблюдение Ф. Шеллинга, из которого следует, что структура системы есть накопитель прошлого времени).

У структуры культуры есть ряд других важных свойств и признаков.

Чем жестче структура культуры, тем больше инвариантность системы культуры. И наоборот: чем менее жестка структура, тем больше изменчивость в поведении системы культуры.

Прошлое материализуется в разнообразных формах стереотипизации, в системной памяти культуры, в поведенческих нормах. Например, традиции и ритуалы в культуре так же, как и первая сигнальная система человека, содержат эволюционно апробированные сценарии (образцы, нормы) поведения в “стандартных” ситуациях. Стереотипизирующая роль ритуалов и традиций в истории культуры исключительно велика.

Структура, определяющая взаимодействие подсистем на нескольких ярусах в процессуальном контексте, предстает как механизм формирования нового качества целого.

Отсюда можно протянуть ниточку к теории системных кризисов, например проясняя суть революций в культуре: всякая культурная революция

есть коренное изменение структуры системы культуры с целью увеличения в ней будущего, надсистемного измерения; изменение состоит в резком упрощении структуры, в котором содержание едва оформлено, а информация едва овеществлена. Это – фаза внедрения новаций, активной проективности, разрушения старых культурных стереотипов и формирования новых. В такой момент скорость культурных процессов (заполнение потенциальных “ячеек” структуры культуры) максимальна, поэтому система культуры предельно изменчива.

Обратным состоянием будет культурный “застой”, характеризуемый прямо противоположным набором признаков, главный из них – стереотипизация, практически неподвижная, предельно усложненная структура культуры с полностью заполненными ячейками, формальная и бессодержательная, намертво опутанная своим прошлым. Система культуры сверхустойчива, но эта ее устойчивость исторически иллюзорна. Такая система культуры скоро теряет подвижность, а потому умирает.

Система культуры есть пульсирующий биполярный осциллятор – в силу этого она требует привлечения аппарата диалектики. Говоря о ее жизни, привлечем аналогию: по форме это сходно с категорией Дао.

Парность может проявляться в любых системных проявлениях. Приведем ряд наиболее ярких примеров:

- два типа поведения культуры как системы: “функционирование” и “развитие”;
- “функциональная асимметрия”, или удвоение функций культуры (Ю.М. Лотман), соответствующее лево-правополушарной асимметрии функций мозга человека;
- связанный с этим половой диморфизм в культуре, характерные “мужские” и “женские” этапы в развитии системы культуры;
- ролевая парность, наличие в цикле жизни культуры доминирующих героев в виде “альтруистов” и “эгоистов” (поведенческая дополненность);

– Западная Культура, с доминированием рационалистичности, и Восточная Культура, с доминированием иррационалистичности (глобальный культурный диморфизм);

– культурный антагонизм: культура Севера и культура Юга (например, в американской истории).

Здесь можно допустить дуальное представление биполярного универсума: либо в одноуровневой глобальной иерархии, либо в иерархии иерархий (это ясно демонстрируют приведенные примеры).

По отношению к данному набору пар можно сказать, что речь идет как о форме (“морф”, диморфизм культурных систем), так и о поведении системы культуры (удвоение функций). Можно учитывать разные виды системной дополненности по отношению к культуре. Большинство из них связано: левополушарность и правополушарность выступают функционально как “рацио” и “эмоцио”, как накопители онтогенеза и филогенеза, прошлого и будущего, обеспечивающие развитие и функционирование в культуре и т.д.

Вертикальная пара, определяющая жизнь цикла системы культуры, – “надсистема и подсистемы” – тоже создает основания для рассмотрения ее в биполярности. Можно избрать путь предельного расширения этой парности или путь конкретизации проявлений вертикальной пары. Следуя конкретизации вертикальной пары, при иерархическом взгляде, легко обнаружить, что в каждой системе есть элементы, несущие в себе прошлое, и элементы, несущие в себе будущее. Их наличие связано с парой “устойчивость – изменчивость” в поведении системы. Устойчивость первых и изменчивость вторых элементов обеспечивает пульсацию системы, она и создает биполярную осцилляцию. Элементы будущего в системе культуры все время диагностируют среду, затем переводят ее в эволюционный пласт развития, в то время как элементы прошлого обеспечивают устойчивость системы культуры. Однако устойчивость системы культуры может принимать и более высокую, эволюционную, характеристику – выступать как устойчивость ее развития, а не только как устойчивость функционирования. Эти пары понятий – пересекающиеся.

Положение “система культуры обладает структурой” диктует два противоположных подхода в отношении структуры культуры. Первый подход раскрывает нам спектр, закономерность пульсирующего разнообразия внутри системы культуры. Второй подход – структурную гармонию системы культуры, говорящую о способе ее организации.

Частотный спектр системы культуры. Спектр может быть смоделирован на разных таксономических основаниях.

Частотный спектр системы культуры отражает ее подчиненность распределению пространственных, временных и качественных характеристик системного мира.

Понятие частотного спектра связано с понятием жизненного цикла системы культуры, то есть с ее волновым отображением. Сам цикл в этом ракурсе мы понимаем одновременно и как акт системного классифицирования, производящий ряд таксонов.

Вертикальная пара, “порождающая жизнь” цикла, – надсистема и подсистемы. Всякая система принимает на себя воздействия надмира и осуществляет их преобразование. Это преобразование происходит в форме классифицирования. Частотный спектр системы культуры – это характеристика ее как “фильтра”, осуществляющего классифицирование. В данном смысле структура системы культуры есть классификационный оператор.

Если говорить более конкретно, речь – о ментальном содержании, которое (как надсистема) через фильтр структуры системы культуры распределяется по ячейкам ее подсистем (эпистемы – в науку и философию, образы – в искусство, ценности – в этику, нормы деятельности – в праксис). Это – простейшее классифицирование, но оно возможно лишь в этой структуре.

Система культуры характеризуется своим частотным спектром. Частотный спектр всякой системы описывается известными распределениями. Закон распределения в нашем варианте связан также с морфологическим строением системы культуры (связка “состав культуры – цикл ее жизни”).

Простейшей формой такой связи является типологический квадрат, ромбовидно помещенный под циклом.

От системы культуры к надмиру направлена длиннопериодная часть спектра, от системы культуры к подмиру – короткопериодная. Мы будем говорить об обеих сторонах спектра, вводя специальные индикаторы, содержащие троичность. Такое понимание спектра задает последующую трехуровневую методику: надсистемные циклы, системные циклы культуры, подсистемные циклы, что в совокупности составляет полный волновой спектр системы культуры в простейшем виде.

Структурная гармония культурных систем

Представление о структуре системы культуры как о свернутом времени позволяет утверждать, что прошлое время идентифицируется по неоднородности строения культуры. Там, где это возможно, по гетеротопии системы культуры восстанавливается ее гетерохрония. Для культуры (например, для искусства) методы такого рода развернуто описаны [11].

Развивают это утверждение известные представления С.В. Мейена о темпофиксации и темпосепарации, положение о специализации времени как выражение временных характеристик через пространственные [17]. Отметим, что речь здесь идет о “ставших системах” или о ставшей части системы. Как “годовые кольца” на стволе дерева, культура сохраняется в массе своих артефактов. Культурогенетика активно использует понятие “хронотоп”, отражающее ее важные свойства: взаимопереход времени и пространства и их взаимоотображение. Лучше всего эти свойства проявлены в искусстве: художественный текст всегда является “свернутым времяпространством”.

Структурная модель системы культуры осмысливается прежде всего через симметрию. Мы говорим о ней во временном (теория хроногармонии) и в пространственном видах (пропорции в структуре системы, пространственная гармония). Симметрия артефактов культуры и в ее прямом пространственном виде отражает специфику ментального содержания.

Идея симметрии нашла свое выражение в представлении о структурной гармонии систем и мерогенезе.

Пределы системного мира и система культуры. Из пары понятий “изменчивость – инвариантность” культуры можно выстроить представление о пределах системной вертикали по отношению к культуре. Изменчивость дает рост динамики, а инвариантность выступает причиной замедления движения культуры: чем больше цикл, тем сильнее действие инвариантного начала (устойчивость системы культуры как сдвиг в сторону больших циклов); чем меньше цикл, тем быстрее скорость процессов в системе (изменчивость системы культуры как сдвиг в сторону более коротких циклов). В целой группе индикаторов и маркеров, в пакете понятий вокруг единого смыслового стержня масштаб цикла, его длительность, есть важнейший индикатор, характеризующий поведение системы культуры.

Доведем логику рассуждений о зависимости инвариантности и изменчивости от величины цикла до конца, чтобы получить пределы системного мира, тоже своего рода биполярный универсум. Пределы по вертикали системного мира культуры таковы: “вверху” все инвариантно самому себе, скорость равна нулю, время исчезает. Это и есть привычная вечность и неизменность платоновского “мира идей” или “града небесного” у Августина и т.п. образований. “Внизу” исчезает преемственность, нет наследования, скорость течения процессов бесконечна – время тоже исчезает. Отсюда – вывод, что мир конечен: есть самая малая и самая большая скорости изменений, есть предельно большая и предельно малая системы в иерархическом системном мире культуры.

Такая парность задает в самом общем виде все мерные шкалы для индикаторов и маркеров.

Тройка в определении системы. Любое дополнение к этой паре будет задавать новый ракурс и превращать определение системы культуры в трехчленное. При этом начинают работать все известные свойства тройных

моделей. Три иона тройки порождают три возможных варианта определений системы: вертикальную тройку, горизонтальную тройку и их комбинацию.

Например, в культурогенетике сложилось следующее определение: система культуры есть единство ее элементов и ее структуры (совокупность элементов и отношений), определяющих целостность. Это определение имеет формулу: “Монада, вставленная между сторонами Дуады”. Здесь пара (компоненты и структура) соотнесена с монадным свойством (целостность), которое принадлежит системе культуры – третьему. Как все “вертикальные” определения, оно статическое.

Обращение к вертикальному измерению погружает нас в пространство системной онтологии, оперирующей иерархичностью системного мира культуры. Возникает иерархическая модель “надсистема – система культуры – ее подсистемы” (в том же качестве в культурогенетике используется модель “надмир – мир культуры – подмир”).

Модель трех миров присутствует в культуре с самых древних ментальных систем на Земле. Вместе с тем ее философское, особенно – рациональное, осознание происходило крайне медленно и только к XX веку превратилось в общенаучный принцип. Окончательное свое закрепление этот принцип получил в общей системогенетике, где системы, находящиеся на трех уровнях иерархии, обнаруживают отношения “вложенности” друг в друга. Справедливо это и по отношению к культуре: ее надсистема, система и подсистемы последовательно “вложены” друг в друга. В свою очередь, и система культуры может быть рассмотрена имплицитно, то есть вложенным образом. Это – иерархизированный системный мир.

В методологии культурогенетики различаются два аспекта: вложенность систем культуры и иерархическое устройство, сопутствующее вложенности. Существует антропоморфная традиция восприятия осевой системы, которая связывает “вертикаль” с онтологической осью: в этом смысле “вложенность по вертикали” привязана к схеме осей плоского креста, а крест – к человеку. Данная модель очень важна для нас: она лежит в основе менталитета.

Акцентирование “системы культуры” в иерархическом (трехуровневом) вертикальном системном мире становится актом системного ее познания: чтобы выявить “систему культуры”, нужно отделить ее в иерархии системного мира от “надсистемы” и “подсистемы”. Иерархия лишь маркирует три системы, выстроенные в вертикальном измерении, в целом системная онтология статична. Но кроме общего взгляда есть еще и возможность взгляда из системы в подсистемный мир – акт декомпозиции, а также возможен взгляд из системы в надсистемный мир, тоже имеющий свою специфику: он позволяет реконструировать структуру как закон связи компонентов.

В работе Г.П. Мельникова было введено в научный обиход понятие “альтитуда” (от греческого “альт”– “высота, глубина”), очень важное для нашего метода исследования, включающего векторы “над” и “под”. Культурогенетическая альтитуда подразумевает количество всех системных надуровней и подуровней, включенных в исследование культуры. Предельно простой моделью для тройной альтитуды, трех миров, является известный ряд “надсистема – система – подсистема”. Но за уровнями “над” и “под” на самом деле может скрываться сколько угодно уровней, расположенных по отношению к системе вверху и внизу, например пятиуровневая альтитуда (два уровня в “надсистеме” и два – в “подсистеме”).

Культурогенетическая альтитуда – богатое и емкое понятие, которое разворачивается в свой ряд сопутствующих приемов. Так, акт декомпозиции раскрывает внутреннюю альтитуду. Декомпозиция может производиться до такого уровня, на котором элементы предстают носителями закона функционирования культурной системы. Взгляд из системы в надсистему аналогичным образом открывает внешнюю альтитуду – набор надсистемных уровней, из которых определяются структура и функции системы [13].

* * *

Действие по связыванию пары (компоненты – структура) и получению процессуирующего третьего (система) приводит нас к целому букету возможных определений, имеющих комбинированный характер. Это – “модели-кентавры”: здесь либо по вертикали задается неправомерная горизонтальность (условное “время”), либо, наоборот, к горизонтальной траектории (временной последовательности) добавляются неправомерные в данном ракурсе онтологические свойства. Этот момент, кстати, очень важен, с точки зрения критики инструментального рационализма.

К понятиям-кентаврам первого рода принадлежит известное понятие функции (и ряд других). Оставаясь в вертикальном измерении, мы акцентируем, что третье, обусловленное нашей иерархической вертикальной двойкой, – “состав и структура” – процессуирует.

Переложенная в горизонтальное измерение функция культуры выступает, как сама “жизнь” системы культуры, как главная характеристика ее процессуальности, “поведения”, что само по себе уже содержит вертикальный, надсистемный, взгляд на систему культуры. В этом смысле функция культуры есть проявление уникального качества системы культуры, ее целостности, ее цели (программы), ведь функция точно так же неизменна в цикле жизни системы культуры (в системном цикле культуры, в несущем цикле системы). Как ни парадоксально, “функция” в обоих измерениях остается “понятием-кентавром” и обнаруживает два смысла: в вертикальном мире – процессуальный, а в горизонтальном – иерархический.

Понятие функции культуры (подменяющее на самом деле понятие системы культуры и ее целостности = цели) анализируют в ряду, позволяющем получить три типа анализа системы культуры: компонентный, структурный, функциональный. Его же по частям рассматривают в двух парных отношениях: “функция и структура”, а также “функция и морфология”, что задает два известных варианта системного анализа культуры (функционально-структурный и функционально-морфологический).

* * *

Тройная модель может быть переведена в статико-динамический вариант: ”два порождают третье”. Надмир и подмир здесь выступают как причинная пара, порождающая живущую систему культуры, мир культуры (третье).

Близкий ракурс отображен в гипотезе “двух наследственных потоков”, или программ, идущих к системе “от будущего” и “от прошлого”. Слияние их демонстрирует структурно-генетическую модель, обладающую каузальностью и позволяющую перейти к циклической трактовке системы культуры. Таким образом, культурный “цикл” становится формой синтеза двух иерархических потоков.

Анализируя связи и компоненты в пределах трехуровневой культурной альтитуды, можно предположить, что из надсистемы в систему культуры приходит закон связей между компонентами системы культуры, а из подсистем берутся ее компоненты. Закон связей – закономерный таксон в непрерывно-дискретной последовательности надсистемы, генетическая разновидность надсистемных таксонов. Компоненты – актуально модифицированные элементы морфологии, например прошлой, потенциальной, системы культуры. Таким образом, надсистемные связи есть то, что “наследуется из будущего”, а подсистемные компоненты есть то, что “наследуется системой из прошлого”. Это полностью совпадает по смыслу с тройкой “информация (связи) – энергия (сама система, ее жизнь) – вещество (компоненты)” и дает нам возможность сконструировать альтитудное определение: система культуры, как настоящее, есть синтез, или “застывшая волна” между прошлым и будущим.

Логос может опираться на любую наличную Сому (подсистемы) – этим объясняется принципиальная возможность множества форм жизни культуры.

Горизонтальная тройка (три типа). Определяя систему культуры как “третье”, возникающее при взаимодействии двух иерархически противоположных начал, мы сочли, что всякая пара, порождающая третье, вертикальна.

Но если мы подразумеваем культурный цикл, то будем иметь дело со сценарием жизни, поэтапным доминированием подсистем культуры.

Наличие трех типов здесь выражается как обращение вертикальной иерархии на горизонталь – в результате получаем три подсистемы культуры с характерными свойствами. Применительно к ним вертикальная иерархия “опредмечивается” в горизонтали. В жизненном цикле системы возникают три подцикла, связанных с последовательным доминированием трех качественно разных подсистем.

Первая фаза цикла (подсистема, тяготеющая к будущему) качественно связана с влиянием альтитуды надсистемы, а последняя фаза (подсистема, тяготеющая к прошлому) – с властью альтитуды подсистем. Середина обнаруживает собственно системное качество (ту же гомеостатическую фазу можно трактовать как момент, когда надсистемные и подсистемные влияния взаимоуравновешиваются). Середина, как можно понять, наиболее богата, ведь в ней проявляются одновременно оба влияния. Это, кстати, и порождает четверку типов: начало – единично (надсистемное влияние), середина – удвоена (и над-, и подсистемное влияния), окончание тоже единично (только влияние – подсистемное). Такое трехфазовое определение – горизонтальное.

Четверка в определении системы культуры. Мы приходим к заключению, что наиболее распространенным и самым широким набором возможностей обладает модель культуры на основе пары (система культуры как биполярный осциллятор). За ним следует тройка, и мы только что рассмотрели три вида культурной троичности: горизонтальную, вертикальную и “смешанную”. Там же обнаружилась и специфика четырех типов (раздвоение среднего на пару).

Системные “четверки” не прибавляют ничего нового, и это показательно. За исключением уже упомянутых “четырёх типов анализа системы”, в области содержания здесь нечего обсуждать.

Завершая обзор системных понятий, применяющихся в области исследования культуры, обратим внимание на одну их особенность:

обозначенная группа понятий, с одной стороны, образует завершенность, а с другой – может разворачиваться произвольно и выводиться друг из друга в любой последовательности. От одного понятия в этом наборе можно перейти к любому другому, и из любого понятия можно вывести другое. Последовательность связи и выводимости понятий не является обязательной, и эта особенность сформировала современный поливзгляд. Она присуща “пакетным” и “сетевым” понятиям, по А.И. Ракизову, понятиям-графам, по В.С. Тюхтину, и понятиям-волнам (циклов), по А.И. Субетто [18].

МОДЕЛЬ ПРЕДМЕТА КУЛЬТУРЫ

Системогенетическая методология дает возможность построить модель, позволяющей всесторонним образом подойти к любому предмету исследования. Подобно тому как мы анализировали динамику филологического знания, историю мировой литературы, социологию культуры, историю герменевтики и другие сферы, те же принципы и способ построения модели мы используем и на этот раз – при обращении к культурологии.

Культурологическая проблематика тоже располагает горизонтальным и вертикальным разнообразием. Тут есть пределы, которые необходимо сразу обозначить.

Вертикаль – уровни

Вертикальные пределы предмета культурологии задают философия культуры и частные науки о культуре. На основании этого разделим культурологическую проблематику на три иерархических уровня: на уровне общего, особенного и единичного.

Первый уровень – философский. Иерархически он является высшим: он выражает собой “общее”.

Второй уровень – общенаучный, или уровень “особенного”. В плане общенаучной методологии основополагающим для нас является комплекс идей общей и экзистенциальной системогенетики. Мы должны упорядочено и

генетически последовательно представить научную трактовку культуры как в статике, так и в динамике.

В качестве динамической теории среднего уровня, ключевой для нашей темы, выступает культурогенетика. Ее основные идеи только сформированы, и все они применены нами.

Третий уровень – частнонаучный, или уровень “”единичного”. Это частные науки и знания о культуре.

Горизонталь – состав

В горизонтальном измерении важно отличить друг от друга науки одного порядка, чтобы обнаружить качественную специфику культурологии. В данном случае речь идет о четырех предметах: это – общество, человек, техника и природа.

Разведение этих предметов не столь простая проблема. Например, чтобы определить предмет культурологии, то есть собственно культуру, мы должны отличить ее от предмета обществоведения – общества. Примечательно, что вопрос возникает именно в связи с установлением особого предмета культуры, а в рамках обществоведения он не слишком акцентируется. Культура живет в коммуникации, в определенном смысле она и есть коммуникация, для осуществления которой нужны, как минимум, двое. Общество противостоит личности. Общество как социум мы делим на человеческий социум и технический социум. Возникает четверка составляющих, которые находятся в постоянном взаимодействии.

Вопрос об их отдельности в этой паре особенно обострился, когда возникли синтезы в виде социологии культуры, культурной антропологии, культуротехники, культурогенетики. Оперирование двумя составляющими здесь предстает уже в названиях. Соответственно, их нужно различить и по предмету, и по методу.

Но ясности как раз и не наблюдается! Обратимся, например, к социологии культуры. Итог различия в самом редуцированном виде зафиксирован в двух выводах:

- социология изучает то, что скрепляет общество в целом, его устройство и состав; у социума есть своя динамика;
- культурология в качестве предмета исследует программу разворачивания общества в истории и все, что обеспечивает данный процесс; динамика культуры отличается от динамики общества.

Если рассмотреть горизонталь во временном измерении, то можно обнаружить три фазы процесса жизни системы, которые, в свою очередь, позволяют различить свойственные им три разновидности подходов к культуре и доминантные определения ее:

- общественно-детерминирующие определения;
- равновесные общественно-личностные определения;
- личностные определения предмета культуры.

Все три разновидности отчетливо видны, в том числе и в нашем кратком историческом обзоре.

Крестообразная модель предмета культуры

Все представленные здесь вертикальные уровни и их развертки в горизонтали равно существенны для выявления специфики смыслового ядра культурологии. Модель описана в работах Н.Н. Александрова. Если свести вертикальный и горизонтальный подходы воедино, то модель культуры получит вид креста (ядро культуры – в центре):

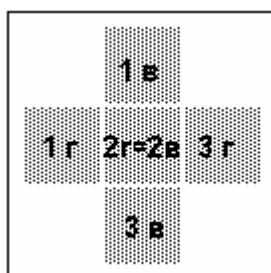

Рис. 1. Крестообразная модель предмета культуры.

Важно, что совокупность вертикальных и горизонтальных построений и представлений здесь сохраняется.

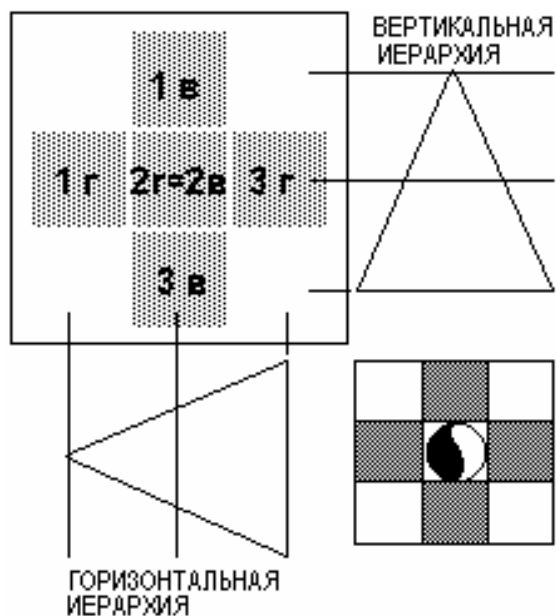

Рис. 2. Предмет культуры, образованный из двух иерархий.

Удвоенность культуры как центрального ядра в данном случае означает, что она имеет и вертикальное и горизонтальное измерения. Крест как четверка демонстрирует нам также состав предметного знания о культуре: это – Социум и Человек, Менталитет и Техника.

Графическое выражение можно дополнить логическим: две оси креста есть сочетание двух программ наследования, социально-антропной и научно-технической. Социально-антропная линия создает главный действующий механизм ментальной трансляции: это – “культура общества и культура личности”. Научно-техническая линия – это путь к техноцивилизации или, проще, вообще к цивилизации.

Культура содержит сочетание ментальной и цивилизационной программ.

Модель предмета культурологии отражает иерархию сущности (общее – особенное – единичное // философия культуры – теория культуры – частные науки о культуре), и фазы существования.

Раскрытие сущности культуры в троичном виде приводит к иерархическому ее пониманию. В гегелевском варианте иерархию

представляют: “общее”, “особенное”, “единичное”. В общенаучном и системном – научные понятия: “надсистема”, “система”, подсистема”. Важно, что обе ракурсные иерархии при сопоставлении дополняют и поддерживают друг друга.

Кроме того, можно дополнительно привлечь по аналогии все существенные для данного иерархического сущностного построения “тройки”, способные координироваться с иерархией “общее – особенное – единичное”: “дух – душа – тело”; “информация – энергия – вещество”; “мышление – коммуникация – деятельность”. Такой пакет обеспечит нам формирование многогранного набора взаимосвязанных значений и смыслов для культуры как срединного в иерархии.

Из представленной связки “троек” можно сделать следующий вывод: культура есть особенное, культура есть система, культура есть Душа; культура имеет отношение к энергетическому метаболизму, культура обеспечивает коммуникацию в обществе. Здесь уже, по сути, все есть для построения теории культуры.

Возможен и главный вывод: культура, как и Душа, погружена в поток времени, она живет во времени. И никаким другим образом она не определяется как сущность.

Все, что имеет отношение к овеществлению культуры, принадлежит не культуре, а технике в широком смысле. Даже наскальная живопись предполагает технику, технологию и овеществленный инструментарий деятельности.

Все, что имеет отношение к социальным структурам и обеспечивает их существование и устойчивость, не является культурой. Это – социальность, и она может рассматриваться структурно или компонентно, функционально или морфологически. Социальность, в ее социологическом измерении, предполагает наличие “социальной группы” в самом широком смысле. При переходе к уровням речь идет уже о наличии уровневого субъекта – пределами здесь выступают человечество и человек, а серединой – общество. Соотношение уровней “человечество – общество – человек” на самом деле есть простейшая

“масштабная линейка”, примененная к такому объекту, как “социальная группа”, “общность”, “сообщество людей, объединенных во что-либо”.

В сущностном плане намечаются три уровня изучения культуры.

На уровне общего изучается философия культуры.

На уровне особенного – теория культуры.

На уровне единичного изучаются частные науки о культуре.

Вопрос о существовании культуры можно осветить в нескольких вариантах. В единичном виде можно представить цикл жизни культуры. В парном виде выявятся предельные тенденции по отношению к циклу, движущее противоречие культуры.

Раскрытие вопроса о существовании культуры в троичном виде приводит к фазам. Трехфазовость в общефилософском плане обозначена у Г. Гегеля. В системном освещении она описывается как “становление, равновесие (гомеостатическая устойчивость, динамический гомеостаз), деградация”. Их специфика зависит от предмета, в нашем случае речь идет о трех фазах жизни культуры.

Три фазы в таксономическом аспекте предстают как модусы, связанные сценарием цикла, – это простейший “циклический пакет” [15].

Чтобы говорить о составе культуры, живущей во времени, необходимо знать ее важнейшее свойство: культура есть калокагатическое.

Отсюда – две главные ценности, фигурирующие в культурной коммуникации: этическая и эстетическая. Материалом эстетического является хронотоп. Это понятие выражает единство времени и пространства, в котором “хроно-” является временным компонентом характеристики данного параметра и оперирует, соответственно, временными модусами будущего, настоящего, прошлого. Именно с ними связаны три фазы “становление – расцвет – деградация”. “Топос” – второй компонент понятия “хронотоп” – характеризует пространство с позиции масштаба: глобальное, бесконечно большое, космическое, – нормальное, человекосомасштабное, – мизерное, бесконечно малое, земное.

Чтобы вполне представить системогенетическую модель культурологии, мы должны дать еще и историческую картину. Тогда будет соблюден принцип единства исторического и логического, системного и генетического представления. В силу ограниченного объема статьи мы делаем это конспективно.

Философия истории культуры

В самом общем плане речь идет о философии истории культуры. В данной работе мы будем рассматривать все основные ее варианты, но и обращение к ним требует предварительной демонстрации принятого за инструмент рабочего варианта философии истории культуры.

Конструкция этого варианта построена на основе предъявленной методологии.

Начнем с верхнего уровня циклов, циклов ментальных формаций [2].

Схема исторического процесса и ментальные картины мира

Для ориентации в мировой истории воспользуемся схемой исторического процесса в виде пятерки наиболее крупных циклов – формаций:

- 1) первобытнообщинная формация;
- 2) античная, или формация первых цивилизаций;
- 3) феодальная формация, или средневековье;
- 4) формация нового времени;
- 5) формация XX века (новейшая).

Циклы социальной эволюции	Пять экономических формаций	Типы менталитета
	1 Первобытно-общинная 2 Рабовладельческая 3 Феодальная 4 Капиталистическая 5 Посткапиталистическая	<i>Мифологический</i> <i>Раннецивилизационный</i> <i>Теологический</i> <i>Рационалистический</i> <i>Проектный</i>

Рис. 3. Формационная пятерка. Стадии исторического процесса.

Суть изменения представлений о культуре можно увидеть особенно отчетливо, если последовательно представить себе развитие картин мира в основных крупных исторических фазах менталитета, соответствующих ментальным формациям.

1. Первобытная картина мира основана на мифе: человек предстает как игрушка сверхъестественных сил. Оживленность (анимизм) как абиотического, так живого мира (растения и животные) – основа мифа.

Решение вопроса о генезисе проистекает отсюда же: сверхъестественные силы являются создателями мира.

Устройство мира предстает как жите. Мир дан в мифологических представлениях и в знаниях магии.

Человек в этом мире может только верить. Он может обучаться только мифам. Его высшая роль в данном сообществе – стать жрецом.

Хронотоп.

Первобытные представления о природоподобном круге времени.

2. Античная картина мира все так же основана на мифе: и здесь человек все еще предстает как игрушка сверхъестественных сил. Но это уже антропоморфные боги политеистического пантеона. Переход от предыдущих природных богов к антропоморфным виден в ранних культурах (Египет и т.п.)

Решение вопроса о генезисе не меняется в принципе. Создателями мира являются все те же сверхъестественные силы, хотя в мифах появляется двухслойное построение (старые боги – новые боги). Мир дан уже не только в мифологических представлениях, но и в знаниях философии и практической науки.

Устройство мира предстает как жите.

Человек в этом мире может не только верить, но и действовать в пределах своей свободы (рок, судьба, фортуна). Он может обучаться не только мифам, но и мудрости (философия) а также наукам (знаниям). Его высшая роль трижды меняется. В Египте он может стать жрецом и даже фараоном (первым из

жрецов). В Греции он может стать гражданином полиса. В Риме – “первым из граждан” (императором).

Хронотоп.

Ментальные модели простого идеального круга античности (бесконечного круга возвратов).

2. Теологическая картина мира: мир создан Богом и управляется им. Устройство мира подобно машине, не нами созданной, а отношение человека к миру напоминает роль “техника-смотрителя” при этой машине.

Мир дан в вере, и человек в нем может лишь подчиняться божественному и обучаться исключительно догматам религии.

Роль человека крайне скромная – он винтик божественного мира. Но у него впервые есть выбор судьбы.

Хронотоп.

Модели времени.

Философско-богословские модели линейного теологического времени европейского средневековья (с началами идеи теологического импульса).

Модели спирально-цилиндрического вертикального времени восточного средневековья (индо-китайские модели) и модели многоуровневого времени, где тоже есть своя теологическая спиральность.

Модели возрожденческого человекоподобного времени, содержащие спирально-цилиндрическую модель истории Н. Макиавелли и фазовую модель социогенезиса (органического цикла) Дж. Вико.

4. Естественная картина мира: человек представляет себя в мире как познающий и понимающий субъект. В основе устройства мира лежат естественные процессы.

Создает этот мир Природа (Натура). Она непрерывно развивается.

Мир представлен в знаниях о природе. Человек может мир описывать, он принимает на себя роль исследователя, который наблюдает за тем, что природа может дать, но не смогла сделать, и употребляет это себе на пользу.

В этой картине мира в образовании учат философским учениям (единое) и научным предметам (множественное). Здесь же рождается политехническая подготовка.

Хронотоп.

Модели времени.

Скорее, ведущая идея, чем модель истории в виде стрелы прогресса в Просвещении. Предельным выражением ее является линейно-онтологическое отображение времени у Р. Декарта.

Спирально-цилиндрическая многоуровневая модель времени в науке и философии XIX-го века, объединившая античный круг со стрелой прогресса. В ее недрах можно проследить начало разработки идеи естественного импульса.

Модели пространства.

Субстанциальность пространства – признак менталитета Нового времени. Оно выступает как абсолют, оно независимо от положения и движения в нем физических тел.

Линия движения от субстанциальности Ньютона к релятивизму Эйнштейну полностью выражает пространственную эволюцию в менталитете Нового времени. Первые признаки смены моделей видны уже в 19 веке.

4. Неклассическая картина мира.

Переход от классической к неклассической картине мира называют иногда переходом от метафизического мышления (проект модерна) к постметафизическому (постмодерн) [1].

Человек впервые предстает как элемент картины мира. Но здесь важнее другое: внешнее отношение к человеку (человек как элемент картины мира) постепенно меняется на внутреннее (мир как элемент человеческого представления о нем). Мир отныне дан в представлениях и мыслях.

Мир впервые предстает как деятельность человека. Мир создается волей человека. Человек может создавать мир – он сам становится креатором. Человек выступает как конструктор мира.

Для жизни в этой новой картине мира учить нужно преимущественно пониманию и рефлексии.

Таким образом, неклассическая картина мира (картина мира XX века) отличается тем, что в центре ее стоит человек, из человека она исходит и его целями измеряется.

Хронотоп

Модели времени.

Появляется модель естественного эволюционного времени типа конической спирали и выделение двух ее разновидностей (дивергентной и конвергентной). Время замедляется и ускоряется, а это – свойство антропное.

От модели простой конической спирали происходит постепенный переход к модели многомерного импульсного времени. Эта модель XX-го века – итоговая. Это и есть релятивное время, поскольку в нем присутствуют Большие взрывы нескольких уровней.

Модели пространства.

Ньютоновское идеальное пространство претерпело последнюю модификацию в принципе относительности: в эйнштейновской физике оно стало функцией движения материи.

По Ионину, Эйнштейн опрокинул представление ньютоновской механики о пространстве как абсолюте, независимом от положения и движения в нем физических тел. Даже масса, как он открыл, текуча и переходит в энергию. Казавшаяся прежде незыблемой, раз навсегда данной, форма растопилась. Пространство осозналось как непрерывная функциональная зависимость. Такое осознание исходило не только из научного интереса, а было, по признанию самого Эйнштейна, скорее “этическим порывом”. И поэтому, видимо, Эйнштейн своим предвестником называл не ученого, а писателя Достоевского.

Достоевский делает шаг к Универсуму, и причастность в его философии любого малейшего события в жизни самых незначительных людей Божественному Универсуму есть иное, более высокое по степени интеграции, отношение к пространству вообще. В модели пространства появляется Человек.

Полностью это антропное понимание развивается в XX веке (экзистенциализм и т.д.).

* * *

Представления о культуре в каждую эпоху вписываются в тот или иной тип глобального менталитета. Но такое предельно большое деление недостаточно для понимания конкретных теорий культуры и уж тем более – культурных артефактов. Здесь важно установить на каком уровне находится системность интересующего нас предмета. Считается, что ментальные формации как уровень достаточно адекватны при описании относительно однородного античного представления о культуре, хотя и это не так. Но уже в средневековом мире культурные представления в начале цикла средневековья и в его конце (Возрождение) кардинально различаются. Но тем не менее античное и средневековое (теологическое) понимание культуры мы оставляет на этом уровне рассмотрения, т.е. считаем и тот и другой тип качественно однородными в пределах формации.

Для анализа культурных представлений в следующих формациях требуется введение второго уровня – уровня фаз ментальных формаций.

Уровень фаз ментальных формаций. Мы используем инвариант трех фаз, поскольку он минимальным образом отражает модификации однородного процесса. В общем плане это фазы становления, равновесия и деградации. В интересующем нас калокагатическом варианте это фазы этико-эстетической модификации. Они выражаются и путем изменения этического содержания, и путем соответствующего изменения форм выражения, эстетической формы. Для описания хотя бы одного формационного цикла в фазах проще всего продемонстрировать фазы на основе изменения масштаба.

* * *

Мы изложим своего рода аксиоматику, и называем мы ее так поскольку, поскольку основы ее уже фундированы и детализированы [6].

Культурология как научная дисциплина проходит в своей истории два больших цикла: большой цикл Нового времени (три века, XVII-XIX, вплоть до

1920 года), большой цикл XX века (1920-2020). Эти циклы равнозначны по качеству, а потому сравнимы, хотя длительность их различается ввиду ускорения исторических событий.

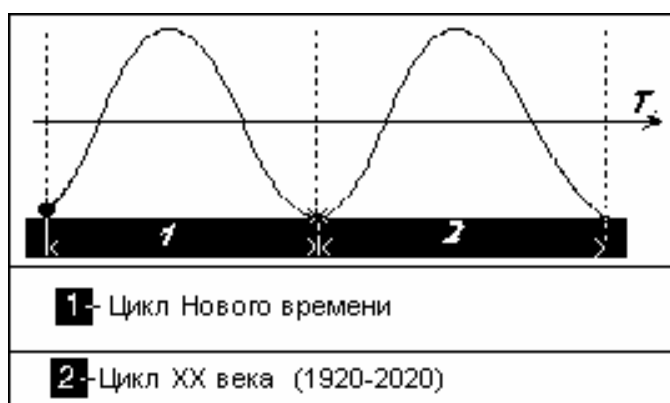

Рис. 4. Два основных исторических цикла становления культурологии.

Основные закономерности развития теории культуры в пределах этих двух циклов повторяются. При этом накопленный потенциал первого цикла лежит в основании второго.

Объект культурологии иерархический, т.е., как минимум, трехуровневый. Большой цикл культурологии, отображающий большой цикл культурной жизни, начинается с макромасштаба (общество и его роль в культуре), продолжается в мезомасштабе (культурная деятельность в ее многообразии), а завершается в микромасштабе (человек, представленный через его потребности и внутреннее строение систем культурной деятельности). Это – системная иерархическая конструкция, аналогичная множеству иных иерархий:

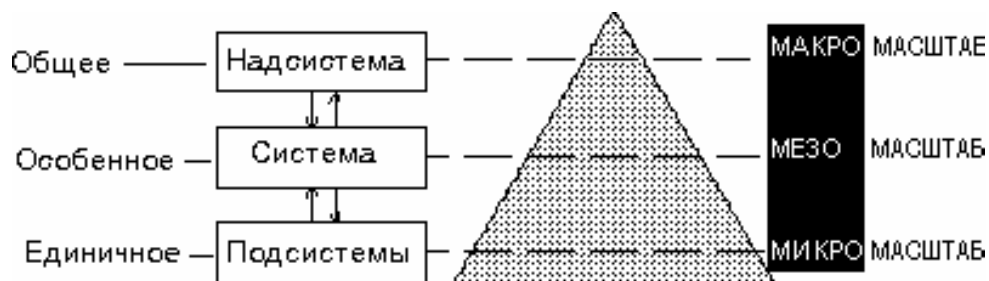

Рис. 5. Иерархия – три уровня культурологии.

Если культура – системное явление, то здесь важны два определения ее из других пределов: культура есть программа становления человечества (общее, макромасштаб) и культура есть явление антропологическое

(единичное, микромасштаб). Ни то, ни другое не покрывает понятия культуры полностью, но вносят ясность в понятие культуры на системном уровне: по отношению к обществу культура выступает как генетический код (реализующий некую суперпрограмму становления человечества – программу из будущего, и реализуется она на людском материале – программа из прошлого). Напомним, что культура – это застывшая волна между прошлым и будущим.

В парном виде иногда говорят, что в теории культуры есть два предела: философия культуры и культурная антропология (культурология как проявление человека) [8], – но такой взгляд, как нетрудно заметить, учитывает лишь пределы иерархии культурологического знания. Между тем он дает нам представление о простейшем индикаторе цикла. В основании его лежит пара целостностей “общество – отдельная личность”. Философия культуры актуализирует роль очень больших и устойчивых социальных групп, культурная антропология – роль человека.

В связи со сказанным понятно, почему и как внутри всякого большого культурного цикла изменяется ментальный масштаб. Это отражает закон “иерархия в цикле” в масштабном проявлении:

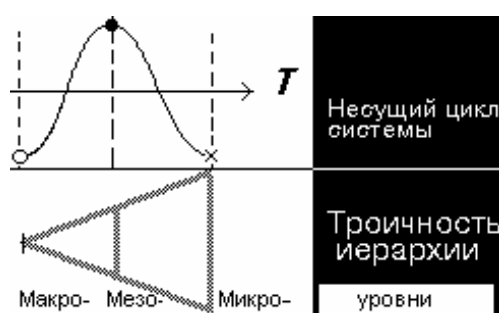

Рис. 6. Связь иерархии (масштабов) с большим культурным циклом.

Данный ход позволяет выделить в каждом большом цикле культуры три этапа. Три масштаба мы различаем по отношению к теории: от макроуровня философии культуры – через мезоуровневую классическую культурологию – к микроуровневому антропологизму.

По поводу Нового времени, это этапы а) 17 век – философии культуры, б) 18 век – теории культуры в) 19 век – культурной антропологии и этнографии.

Аналогичный цикл проходила и наука XX века (1920-2020), но он иной по смыслу. С позиций культуролога, внутри этого века различаются три 33-х летних этапа.

В первой трети XX века (1920-1953) главный акцент – на макроуровне. Фон – политико-экономическая конкуренция огромных территориальных систем, мировые войны за передел сфер влияния и геополитические блоки как ее результат. И соответствующий глобализм в культуре – новая философия культуры.

Во второй трети (1953-1986) главный акцент находился на мезоуровне. Фон – устойчивое состояние множества политико-экономических систем. А в науке в центре внимания так называемые “теории среднего уровня”.

В последней трети века (1986-2020), а это и есть наше время, резервом снова стал человек, с его индивидуальными качествами. Микро, внутрисистемное здесь важнее всего, и антропология понемногу побеждает теоретическую культурологию и подменяет ее.

Если в первой трети XX века Дюркгейм и Юнг говорят о роли общественных архетипов и установок, то самое актуальное сегодняшнее направление – исследования личностных культурных предпочтений.

Чтобы завершить методологическую тему, подведем ее итог путем еще одного обобщения.

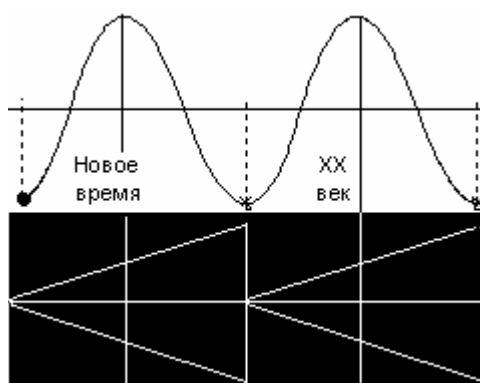

Рис. 7. Иерархия и цикл: повтор закономерности их связи в двух циклах развития науки.

Мы использовали здесь прием связанности иерархии уровней и ее крупных циклов, которых в развитии науки – всего два.

Главное, что позволяет эта схема, – удачно “развесить” по циклу разнообразные теории культуры. Поскольку циклов у нас – два, эту закономерность обнаруживаем и в Новом времени, и в XX веке.

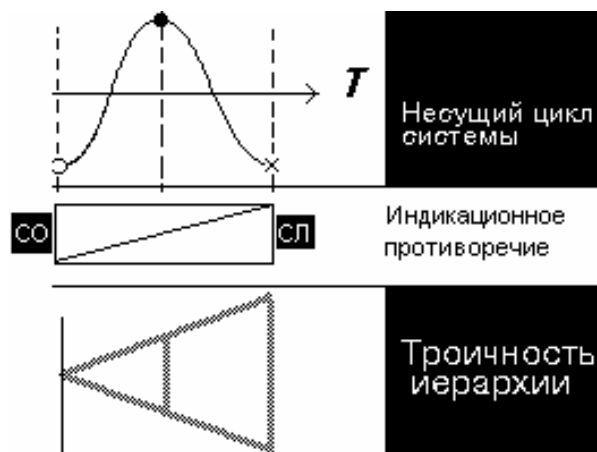

Рис. 8. Индикационное противоречие, выстроенное по отношению к циклу и иерархии.

Отметим, что наша простая “люция” связывает единое, двоичное и троичное: цикл, индикационное противоречие и иерархию – и это позволяет отвечать практически на все основные вопросы теории и истории культуры.

Чтобы упростить наш подход до приемлемой схемы, обозначим в каждом цикле три “масштабные” волны, переведя тем самым непрерывность волны в дискретность временных отрезков. Мы получим в целом шесть этапов развития культурологии как науки.

1. Макромасштабный этап науки Нового времени (конец XVI – начало XVII века);
2. Мезомасштабный этап науки Нового времени (XVIII век);
3. Микромасштабный этап науки Нового времени (XIX век);
4. Макромасштабный этап науки XX века (1920-1953);
5. Мезомасштабный этап науки XX века (1953-1986);
6. Микромасштабный этап науки XX века (1986-2020).

Это особые типы видения культуры. Каждый такой тип видения содержит преданалитический акт отбора черт реальности. Говоря проще, это –

наиболее крупные модусы теории культуры, полученные на двух уровнях: через раздвоение (два цикла) и последующее утроение (три этапа, три масштаба). Изобразим их в виде основной схемы:

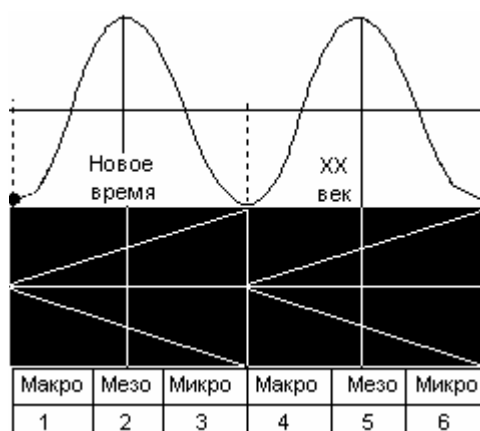

Рис. 9. Шесть этапов становления культурологического знания.

Заключение

В данной статье мы предприняли попытку описать культуру системогенетически. Для этого мы построили развернутую системную модель предмета культуры и предложили историко-генетическую модель становления культурологии. Следующие шаги будут состоять в более подробном анализе генезиса культуры в истории. Культурология будет трактована как культурогенетика. Но это – тема наших следующих публикаций.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Александров Н.Н. Эволюция ментального хронотопа. – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 434 с.
2. Александров Н.Н. Формула истории. – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 516 с.
3. Александров Н.Н. Экзистенциальная системогенетика. – Кострома: Изд-во КГУ, 2000. – 734 с.
4. Васильева Л. Открой чело века! // “Литературная газета” от 27 июля 1988 г., N 30. С. 12.

5. Гершунский Б.С. Менталитет и образование. Учебное пособие для студентов. – М.: Институт практической психологии, 1996. – 144 с.
6. Зырянова Т.В. Художественная герменевтика. – Тольятти: Изд-во Фонда “Развитие через образование”, 1997. – 330 с.
7. Каган М.С. Философия культуры. – С-Пб.: ТОО ТК “Петрополис”, 1997. – 416 с.
8. Культурология. XX век. Словарь. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. – 728 с. – (Культурология XX век).
9. Моль А.Р. Социодинамика культуры./ Пер. с фр. – М.: “Прогресс”, 1973. – 406 с.
10. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ. В.В. Сапова. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Института, 2000. – 1056 с., илл.
11. Сороко Э.М. Самоорганизация систем: проблемы меры и гармонии (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук.). – Минск, 1991. – 442 с.
12. Субетто А.И. Творчество, жизнь, здоровье и гармония. (Этюды креативной онтологии). – М.: “Логос”, 1992. – 204 с.
13. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. – СПб-М.: ИЦ ПКПС, 1993. – 172 с.
14. Субетто А.И. Проблемы квалиметрии человека, системогенетика и социогенетика // Квалиметрия человека и образования. Методология и практика. Кн. 1. Ч. I. – М.: ИЦ ПК ПС, 1993. С. 8-29.
15. Субетто А.И. Манифест системогенетического и циклического мировоззрения и Креативной Онтологии (в форме постулатов). – Тольятти: Изд-во Международной Академии Бизнеса и Банковского Дела, 1994. – 50 с.
16. Субетто А.И. Системогенетические основы образовательных систем. Части I, II (в 2-х книгах). – М.: ИЦ ПК ПС, 1994. – 284 с; 321 с.

17. Субетто А.И. “Метаклассификация” как наука о механизмах и закономерностях классифицирования. Опыт обобщения. В 2-х частях. – С.-Пб.-М.: ИЦ ПК ПС, 1994. Ч.1 – 254 с. Ч.2 – 80 с.

18. Субетто А.И. Россия и человечество на “перевале” истории в преддверии третьего тысячелетия (избранное). – СПб.: ПАНИ, 1999. – 828 с.